
М. С. Костюхина
(РГПУ им. А. И. Герцена)

Жучка, сучка, пес Барбос (комментируя литературные зоонимы)

Клички собак в литературе существуют по тем же законам, что и имена других литературных персонажей: характеризуют героя и эпоху, документируют быт, транслируют идеологию, служат материалом для словесной и звуковой игры. Однако у литературных зоонимов есть своя специфика, связанная с историей кличек собак, их распространением в бытовых практиках и использованием в собаководстве. При комментировании русской и советской классики зоонимы упоминаются редко. Практически лишены комментариев зоонимы в исследованиях по детской литературе. Проблеме комментирования литературных зоонимов (на примере некоторых кличек) посвящена эта статья.

Многие русские и советские писатели были страстными охотниками и знатоками собак. Среди таких авторов: С. Т. Аксаков, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, Л. Н. Толстой, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Куприн, Н. И. Лесков, И. С. Соколов-Микитов, М. М. Пришвин, В. В. Бианки, Е. И. Чарушин, Ю. М. Нагибин и другие. Любовь русских писателей к собакам не ограничивалась охотничьим досугом. Известно, Г. Р. Державин выходил к гостям с маленькой собачкой, выглядывавшей из-за ворота халата, А. П. Чехов сам лечил и перевязывал своих собак, В. В. Маяковский трогательно любил бульдожку по

кличке Булька, А. Грин привечал бездомных собак. Среди отечественных литераторов были и такие, которых принято называть «собачниками»: они предпочитали собак всем другим домашним животным и хорошо разбирались в собаководстве. Преданным собачником был М. М. Пришвин (поговаривали, что он ревновал своих собак даже к друзьям). А. И. Куприн очень любил собак и называл себя собачником (только в конце жизни писатель стал отдавать предпочтение кошкам), И. Г. Эренбург был известен своей привязанностью к собакам разных пород.¹ Некоторые из писателей были поклонниками только определенных пород собак. Так, Саша Черный прослыл фоксоманом, А. П. Чехов предпочитал такс, а Ю. М. Нагибин симпатизировал эрделям. Были писатели, которые сами занимались профессиональным собаководством (В. В. Бианки увлекался разведением спаниелей).

Автобиографический тип повествования, часто встречающийся в литературе о собаках (воспоминания о детстве, случаи из жизни, рассказ очевидца), — в большинстве случаев оказывается не только художественным приемом, но и реальным фактом из биографии писателя. Некоторые из писательских собак удостоились отдельных произведений, сохранив в литературе свои клички и породы. Это меделянин по кличке Сапсан в одноименном рассказе А. И. Куприна, мордаши Мильтон и Булька в рассказах Л. Н. Толстого, дворняжка Бобка и спаниель Томка в произведениях Е. И. Чарушина, фокстерьер Микки в стихах и прозе Саши Черного, ирландский сеттер Ярик и пойнтер

¹ А. Т. Твардовский, будучи главным редактором журнала «Новый мир», при подготовке к печати мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь», упрекнул автора за излишнее, на его взгляд, внимание к собакам. Особенно неуместным он счел упоминание болонок, которых Эренбург вывез из осажденного фашистами Парижа. «„Маленькие комнатные собачки всегда считались у нашего народа приметой барства“, — написал Твардовский. Эренбург не остался в долгу. „Вы не брали на себя цензорских функций в более серьезных вопросах, так оставьте же мне и моих собачек“, — написал он в ответ Твардовскому» (Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С. 57).

Лада в одноименных рассказах М. М. Пришвина, спаниель по кличке Джим в историях В. В. Бианки, легавый пес Джек в одноименном рассказе Г. А. Скребицкого, пес Чейз, смесь ротвейлера и мастино, в рассказе М. В. Семёновой. О том, что у этих собак были реальные прототипы, можно достоверно узнать из дневников писателей. Так, дневники М. М. Пришвина полны подробных записей о его многочисленных собаках (их было четыре десятка), с описанием повадок, особенностями поведения на охоте и дома. Некоторые из записей легли в основу художественных текстов о собаках (дневниковые записи Л. Н. Толстого об охотничьих собаках Бульке и Мильтоне, Ю. М. Нагибина о дворняге Митьке и эрделе по кличке Проша). Сопоставление литературных текстов с дневниковыми записями (или свидетельствами очевидцев) подтверждает документальную точность в рассказах о собаках.

Однако основным источником литературных кличек служат не собаки писателей, а русские практики называния собак. Самые распространенные в русском быту клички (Жучка, Барбос, Бобик и Шарик) стали наиболее частотными и в художественной литературе (рассказах, повестях, стихах, песенках).² Популярные клички вошли в состав фразеологизмов и использовались в качестве нарицательных для обозначения собак вообще.³ Значительная часть зоонимов имеет давнюю историю и представляет собой результат обрусения заимствованной лексики и переосмысления ее. Народная этимология связывала звучание иностранного слова с внешним видом собаки (масть, размеры). Русская пословица гласит «по шерстке и кличка», и народная этимология искала сходство между

² Строчка из популярной в начале XX века детской песенки «Бобик Жучку взял за ручку» стала шутливой приговоркой (ее не раз слышали из уст А. А. Ахматовой).

³ В рассказе Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» деревенские собаки перечислены по распространенным кличкам: «Самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен моим ушам» (*Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М., 1966. С. 8*).

«шерсткой» и «кличкой» животного. Так Жучками называли небольших собак черной масти, а Шариками щенков с их комичной округлостью (к «жукам» и «шарикам» эти клички, пришедшие из французского языка, отношения не имели).

Упоминание в произведении распространенной клички собаки дополняло типичную для русской жизни картинку. В повести И. А. Гончарова «Обыкновенная история» (1847) в сцене проводов дворянского отпрыска из провинции в Петербург упомянут пес с распространенной кличкой Барбос. Как правило, такую кличку давали крупным лохматым собакам, охранявшим двор.⁴ На бытовую характерность этой сценки с Барбосом указывал Ю. Айхевальд в статье о И. А. Гончарове («Силуэты русских писателей»).

Помимо общеупотребительных жучек и барбосов в литературе часто упоминаются клички, типичные для определенных пород собак (собаки охотничьи и комнатные). Комнатные собачки (болонки, левретки) носили клички на французский манер (Амишка, Зизи, Жюли). Собаки этих пород привозились из-за границы и стоили дорого, а отвечать за барских любимиц приходилось дворовым людям и прислуге. Жестокое наказание крепостных, виновных в потере или болезни собачек, служило характерной деталью в описании быта крепостнической эпохи.

Охотничьи клички использовались в литературе при описании досуга мужской половины обитателей дворянской усадьбы. Безмерное разнообразие этих кличек объяснялось необходимостью наименовать целую свору охотничьих собак. Вспомним описание собак Ноздрева, неудержимого охотника и собачника: «Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай,

⁴ Кличка Барбос стала широко употребляться в России с XVIII в. после перевода романа «Барбос — разбойник гишпанский» (*Кторова А. Сладостный дар, или Тайна имен и прозвищ: [Занимат. рассказы об именах, фамилиях, назв. в рус. и иноязыч. речи]*. М., 2002. С. 136).

порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, се-верга, касатка, награда, попечительница».⁵ Известно, что Гоголь записывал от охотников клички собак, рассказы о собачьих повадках и охотничьих нравах. Интерес к этому материалу у Гоголя был исключительно литературный (охотой он не увлекался, собак не держал).

Выбор клички свидетельствовал о вкусах того социального круга, к которому принадлежал хозяин собаки. Барышня-крестьянка (в одноименной повести А. С. Пушкина) встречает молодого барина, идущего поохотиться с «прекрасной легавой собакой» по кличке Сбогар (имя разбойника из модного в начале XIX века романа Ш. Нодье). Породистых собак с такими культурными кличками держали только аристократы, и барышня в наряде крестьянки сразу оценила достоинства молодого человека.

А. И. Куприн при выборе клички для своей охотничьей собаки остановился на старинном Завирае, что не понравилось его приятелю. «Гораздо лучше бы, — говорил он, — назвать его Милордом, или Фиделем, или Жужой» («Завирайка, собачья душа», 1928). Набор таких «французских» кличек указывал на человека — любителя газетных романов на темы из светской жизни, в которых собак принято было называть с претензией.⁶ Русские аристократы предпочитали англоманские клички. Княгиня в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» (1847) посчитала плебейской кличку Фрикса, данную собаке-найденышу, поэтому велела переименовать бульдога в Фальстафа — это «английское» имя, на ее взгляд, вполне соответствовало высокому стилю княжеского дома.

Клички собак раннего советского времени отражали воинственную идеологию 1930-х годов (овчарка Дозор в одноименном стихотворении З. Н. Александровой, собаки Верный и Смелый в рассказах А. П. Гайдара),

⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 5. С. 84.

⁶ Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1971. Т. 7. С. 448.

зато традиционные клички в тот период осуждались как «старорежимные». Даже обычная кличка Шарик воспринималась как негативная отсылка к дореволюционному прошлому.⁷ В 1960—1970-е годы среди советских собаководов появилась мода на экзотические клички. В рассказе Ю. И. Ковалёва «Картофельная собака» предметом обсуждения стала кличка Тузик:

«Что за имя — Тузик? Вялое какое-то. Надо было назвать покрепче.

— Тузик хорошее имя, — спорил Аким Ильич. Все равно как Петр или Иван. А то назовут собаку Джана или Жеря. Что за Жеря — не пойму».⁸ В итоге за псом осталась народная кличка Тузик.⁹

Выбор литературного имени собаки отражает социальные реалии и модные предпочтения своего времени, но в то же время не является калькой с действительности. Известно, что большую популярность среди владельцев породистых собак имели клички на английский манер (Лорд, Леди, Дези, Кейт, Кинг), а также «агрессивные» клички в старинном русском стиле (Убей, Догоняй, Угар, Разорвай), но в художественной литературе и те, и другие представлены редко. Для воссоздания колорита славянского прошлого писатели предпочитали выбирать «мирные» клички, например, пес Соколко в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» (1833) А. С. Пушкина. Английские клички в литературном тексте часто заменялись русскими эквивалентами (английского сеттера И. С. Соколова-Микитова звали Ирэн, но в литературу эта любимая собака писателя вошла под кличкой Ринка-Малинка).

⁷ Кличка Шарик напоминает бездомному псу в голодной Москве 1920-х годов благополучие старорежимной жизни. «„Шарик“ — она назвала его... Какой он к черту „Шарик“? Шарик — это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляйка поджарая, бездомный пес» (Булгаков М. Собачье сердце // Булгаков М. Избранная проза. 1988. С. 620).

⁸ Ковалёв Ю. Чистый Дор. Рассказы. Повести. М., 2001. С. 118.

⁹ Кличка Тузик произошла от названия игровой карты туз.

Вынося имя собаки в заголовок произведения, авторы подчеркивают значительность и индивидуальность четвероногого персонажа. Часто встречаются имена, отражающие внешний вид собаки (рыжеватая Каштанка в рассказе А. П. Чехова, огненно-красный Марс в рассказе И. С. Шмелева, Белый Бим Черное ухо в одноименной повести Г. Н. Троепольского). Обстоятельства жизни собаки также влияют на выбор имени персонажа (Муму у немого дворника в рассказе И. С. Тургенева, пес Соленый, найденный на морском берегу, в рассказе Ф. Ф. Кнорре), как и ее нрав (озлобленная Кусака в рассказе Л. Андреева). Некоторые клички указывают на служебные функции собаки (полковой пес Сибирлетка в одноименной повести А. Ф. Погосского назван так по средству для чистки армейской амуниции, цирковой пудель Арто носит артистическую кличку в «Белом пуделе» А. И. Куприна).

В детской литературе не редкость комическая игра с именами собак. Это щенки Плих и Плюх в одноименном стихотворении Д. Хармса, Такса-клякса в одноименном стихотворении А. Б. Мариенгофа, собачка Пулька и охотник Булька в «Приключениях Незнайки» Н. Н. Носова, эрдель по имени Сардель в сказочной повести Е. Чеповецкого «Непоседа, Мякиш и Нетак». Встречаются и звукоподражательные имена-клички, воспроизводящие детскую речь. Собаке в сказочной повести «Доктор Айболит» (по Г. Лофтингу) К. Чуковский дал кличку Авва, таким звукоподражанием называют собак маленькие дети. По-детски радостное название собаки отражено в кличке Мой-пес — так кличет своего пса сельский паренек в повести А. И. Свирского «Рыжик». Кличка собаки, данная ребенком, свидетельствует о парадоксальной детской логике. Героиня книжки А. И. Введенского «О девочке Маше, о собаке Петушке и кошке Ниточке» назвала собаку так потому, что петухи кричат громче всех, а собака Петушок, по мнению девочки, лаяла громче всех. Детский протест против слов взрослых о непуτεύой собаке вылился в кличку Путька (З. Е. Журавлева «Путька»), а часто звучащая

фраза «развели тут собак» воспринимается детским сознанием как обидная кличка «Развелитутсобак» (И. П. Токмакова «Ростик и Кеша»).

Литературные клички могут служить целям поэтизации или героизации животного. Слепой пес в рассказе Ю. П. Казакова «Арктур — гончий пес» (1957) назван по имени звезды. Такое имя указывает на возвышенную натуру героя, который, несмотря на слепоту, остается верен своему призванию (он из породы гончих псов). Кличка собаки может содержать метафорический смысл, связанный с философской концепцией произведения. Охотничью собаку в «Кладовой солнца» (1945) М. М. Пришвина зовут Травкой. Ее настоящая кличка Затравка (от охотничьего термина «затравить») со временем превратилась в Травку, получив коннотации не охотничьего, а природно-философского характера. Над разъединенностью людей поднимаются силы добра, то, что Пришвин называл «правдой вековой суровой борьбы людей за любовь».¹⁰ Эта любовь связывает человека и животного и является залогом продолжения жизни (именно Травка спасла погибающего в болоте мальчика).

На выбор имени влияют культурные и социальные коннотации, связанные с той или иной кличкой собаки. Некоторые из коннотаций стали устойчивыми, а сами клички и названия породы превратились в имена нарицательные (шавка, барбос, легавый). «Барбосами» в XIX веке дразнили грубых и недалеких людей (например, зрителей в училищах или городских). Похожая семантика сохраняется и за литературным персонажем. Про собаку, укусившую крокодила в одноименной сказке К. И. Чуковского, говорится: «И какой-то барбос / Укусил его в нос, / Нехороший барбос, невоспитанный». Иная семантика у собачьей клички Полкан, родившейся из имени богатыря Полкана, персонажа сказочной повести «Бова-королевич». Полканы в литературе — это большие собаки с чувством

¹⁰ Пришвин М. Кладовая солнца. М., 1977. С. 60.

собственного достоинства. Таков «Полкан-великан, лохматый и зубатый» в рассказе А. П. Гайдара «Голубая чашка» (1935). Эту сторожевую собаку, охраняющую колхозные поля, боятся все мальчишки, но к честным гражданам Полкан относится дружелюбно. В басне С. В. Михалкова «Полкан и Шавка» (1945) честный Полкан героически гибнет в битве с волками, а Шавка, пресмыкающаяся перед врагами, находит позорную смерть («Сей басне не нужна мораль. / Мне жаль Полкана. Шавки мне не жаль!»¹¹).

Самые известные литературные клички стали фразеологизмами: лающая на слона моська (из басни И. А. Крылова), верный трезор (из сатирической сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина). Знаменитые строчки С. А. Есенина «Дай, Джим, на счастье лапу мне» из стихотворения «Собаке Качалова» (1925) стали ходячей цитатой, а собаку по кличке Джим сделали столь же популярной, как и ее хозяйина, известного артиста В. И. Качалова.¹² Полвека спустя Ф. А. Абрамов назвал свой рассказ о благородной собаке по кличке Дар «Потомок Джима» (1984), имея в виду Джима из стихотворения С. И. Есенина. В черновиках рассказа была прямая отсылка к есенинскому Джиму, от которого вел свою родословную Дар. Но затем Абрамов отказался от ссылки на семейное предание, сохранив название рассказа без изменений (видимо, писатель посчитал общеизвестным, о каком Джиме идет речь в названии рассказа).¹³

¹¹ Михалков С. Детям. М., 1960. С. 393.

¹² В. И. Качалов в мемуарах «Встречи с Есениным» описал сцену, свидетелем которой он был у себя дома. Есенин одной рукой обнял Джима (щенку тогда было всего 4 месяца, но он был крупной собакой) за шею, а другой держал его лапу и приговаривал: «ну что за лапа, я с роду не видал такой». «Перед уходом Есенин снова долго жал ему лапу: «Ах, ты, черт, трудно с тобой расстаться. Я ему сегодня же напишу стихи. Приду домой и напишу». (По кн.: Есенин С. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. К. М. Азадовского. СПб., 2003. С. 553—554).

¹³ Красавец доберман-пинчер, «который по семейным преданиям доводился чуть ли не праправнуком знаменитому Джиму, воспетому поэтом. Помните «Дай лапу мне на счастье, Джим?»» (Абрамов Ф. Дом. Повести. Рассказы. М., 2013).

Популярность образа собаки из художественного произведения (особенно экранизированного) бывает так велика, что ее кличка «идет в народ» и начинает широко использоваться собаководами. Кличка милицейской овчарки Мухтар стала любимой у владельцев собак после издания повести И. М. Меттера «Мухтар» (1960) и выхода фильма «Ко мне, Мухтар!» (1964). Советские подростки с гордостью называли своих щенков Мухтарами (даже если те не были овчарками). Эта кличка ассоциировалась с мужеством и верностью и стала нарицательной для собаки, готовой к совершению подвига (к подвигу готовили себя и советские дети).

Другие ассоциации вызывает кличка собаки Динго, пришедшая из повести Р. И. Фраермана «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви» (1939). В кличке Динго отражено романтическое восприятие мира, а не идеалы подвига и служебного собаководства. Детский писатель Ю. Я. Яковлев назвал свою овчарку Динго в честь любимой книги. Такой же выбор делает герой рассказа Яковлева «У человека должна быть собака» (1967). Романтически настроенный мальчик мечтает о собаке, которую хочет назвать Динго.

Литературные ассоциации, связанные с тем или иным именем, могут быть сознательно разрушены. Название повести Г. Вадимова «Верный Руслан» (1964) отсылает к пушкинским строкам («И видит верного Руслана. / Его черты, походка, стан; / Но бледен он, в очах туман, / И на бедре живая рана»)¹⁴. Семантика имени Руслан с эпитетом верный применительно к караульной собаке совсем иная, хотя и не лишена переключки с пушкинскими строками. «Живые раны» наносит заключенным Руслан, в образе которого подчеркнуты черты мрачного Цербера, верно охраняющего врата советского ада.

Если животное в произведении получает несколько кличек, это мотивировано обстоятельствами собачьей

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 69.

жизни, сменой ее хозяев, а также идейным контекстом произведения. Чеховская Каштанка в доме дрессировщика стала Теткой — это имя подходило для участия в цирковом представлении, а также свидетельствовало о периоде «очеловечивания» в жизни собаки (гуманное отношение к собаке, открытие в ней таланта). Собачонку, которая никому не принадлежала и жила в балагане среди русских пленных (там же находился Пьер Безухов), французы звали Азор, солдат-сказочник Фемгалкой, другие называли ее Серый или Вислый (Л. Н. Толстой «Война и мир»). «Непринадлежание» (слово, созданное писателем) собаку несколько не смущало. Равнодушие к имени (роду, званию, положению) переживает и Пьер, потерявший всякий интерес к прежде значимым для него социальным регалиям и сословным привилегиям.

Больше всего литературных коннотаций связано с кличкой Жучка, которая упоминается во многих произведениях русских поэтов и прозаиков. Жучками принято было называть некрупных дворняжек черной масти. В народном сознании такая кличка указывала на сходство собаки с жуком. Французское «Жужу», что значит «игрушка», превратилось в Жужутку, а после сократилось до Жучки. Кличкой Жужутка звали собак в быту достаточных сословий,¹⁵ а в рассказах о жизни городской и деревенской бедноты собак называли простонародным именем Жучка. Несмотря на незамысловатость породы и непритязательность внешнего вида, именно Жучка оказалась самой литературной собакой. Семантика народной собаки (с различными эмоциональными акцентами — от радости до сострадания) неразрывно связана с кличкой Жучка.

Первым ввел Жучку в русскую литературу А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин». В хрестоматийном отрывке

¹⁵ В басне И. А. Крылова «Две собаки» (1824) рассказана история дворового Барбоса, который денно и нощно несет свою службу, в то время как болонка Жужу наслаждается всеми прелестями жизни. Кличка Жужу, как и сама порода болонки, указывает на избалованное жизнью существо, а кличка Барбос на честного работника.

«Зима!.. Крестьянин торжествует» поэт описывает первые зимние радости деревенского ребенка, рядом с которым жучка (кличка дана как имя нарицательное).

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно...¹⁶

Жучка в русской поэзии — это верный друг крестьянского ребенка, сопровождающий его в радостях и заботах. Лай собаки вносит радостную ноту в поэтическую картину угасающего дня в стихотворении А. Н. Майкова «Пейзаж» (1853).

И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.¹⁷

Имя Жучки прославилось в книге детской писательницы М. Ф. Ростовской. Ее повесть «Жучка» (1857) рассказывает о судьбе крестьянского мальчика Васи, который служит в деревенских пастухах. Это была одна из первых повестей для детского чтения, посвященная жизни ребенка-простолюдина. Образцом для Ростовской послужил рассказ И. С. Тургенева «Бежин луг» (1851), герои которого деревенские дети, отправившиеся в ночное (рядом

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 5. С. 100.

¹⁷ Русская поэзия детям / Под ред. Е. О. Путиловой. СПб., 1997. Т. 1. С. 163.

с ними неизменная Жучка). История деревенского ребенка в повести Ростовской неразрывно связана с историей его собаки (поэтому кличку Жучка писательница вынесла в заголовок повести). Мальчик не расстается с верной Жучкой во время долгого пути на богомолье в Казань, а когда собака пропала, тяжело переживает потерю. Добрые люди (среди них и простой солдат, и барыня с детьми) находят собаку и возвращают ее мальчику. Писательница умиляется добросердечию людей из народа, их жалостливому отношению к животным (ближе к реальности суровое безразличие крестьянина Ермолая к своей собаке Валетке,¹⁸ описанное в рассказе И. С. Тургенева «Ермолай и мельничиха»).

Литературную славу Жучке добавила собака в сказке К. Д. Ушинского «Репка» (переработка русской народной сказки), ставшая популярным текстом для начального чтения («Детский мир и хрестоматия», 1870). Жучкой Ушинский заменил неблагозвучную «сучку», сохранив звуковую игру в народном тексте («жучка за внучку»).

Рассказ В. И. Дмитриевой «Малыш и Жучка» (1896) был написан эпоху, когда на первое место встала не проблема идеализации крестьян, а необходимость их образования. Поэтому тему дружбы мальчика и его собаки Жучки писательница связала с историей посещения крестьянским ребенком школы. В. И. Дмитриева была участницей народнического движения, занималась просветительской деятельностью и политической пропагандой в крестьянской среде. По опыту жизни Дмитриева хорошо знала, какого труда стоит крестьянскому ребенку получение знаний. История Малыша, преодолевавшего трудный путь

¹⁸ Кличка Валет происходит от франц. *valet* «слуга». Валетка действительно является преданным слугой Ермолая, несмотря на то что хозяин «никогда ее не кормил». Любимой собакой Тургенева была легавая по кличке Дианка, мать которой описана в рассказе «Бежин луг».

¹⁹ «Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабу, бабка за деду, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1984. Т. 1. С. 107).

до школы и чуть не погибшего в пургу по дороге домой, типична для крестьянской среды. Рядом с Малышом его верная собака Жучка, описание которой, несмотря на неказистый вид животного, дано с большой симпатией.

Еще одна Жучка стала героиней рассказа «Тема и Жучка», представляющего собой сокращенную главу из повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» (1892). Отдельным изданием рассказ был впервые напечатан для детей в 1908 году. Для самого Гарина-Михайловского важен был не детский сюжет про спасенную Жучку, а история преодоления ребенком страха смерти. На это указывает название главы «Старый колодезь». Описание заброшенного колодца в повести является символической картиной смерти, пугающей и манящей ребенка одновременно. «Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой далекой, нежно светившейся, страшной глади. Он точно почувствовал на себе ее прикосновение и содрогнулся за свою Жучку».²⁰ Ощущение смерти усиливает близость кладбища и страх мертвецов (это убрано из текста для детей). Детство как состояние на грани жизни и смерти — характерная тема произведений конца XIX — начала XX века. Рассказ о смертельном ужасе, переживаемом ребенком, соседствует с четким описанием действий, им совершаемых. Сознание своей правоты и пример отца, военного офицера, помогает мальчику найти силы для спасения собаки.

С образом собаки по кличке Жучка связан один из самых трогательных эпизодов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880). Глава, ей посвященная, так и называется «Жучка». Умиравший от чахотки Илюша считает себя виновником смерти Жучки (кличка дана не по масти собаки — у нее «серо-лиловая шерсть», а по униженности — неказистого вида дворняжка с надрезанным ухом и косым глазом). Стремясь облегчить тяжелое состояние сына, отец дарит ему породистого щенка медеянской

²⁰ Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 1957. Т. 1. С. 92.

породы (обременительная покупка для бедного человека). Но щенок не может утешить ребенка, тяжело переживающего свою вину перед Жучкой. Тринадцатилетний «социалист» Коля Красоткин находит чудом выжившую собаку и приводит ее к умирающему мальчику. Имя собаки как мольба о спасении ребенка многократно повторяется участниками этой сцены.²¹ Жучка, которой Коля придумал красивое славянское имя Перезвон, оказывается очень понятливой собакой и разыгрывает целое представление перед детьми. Счастью Илюши нет предела, но стоящий рядом Алеша Карамазов понимает, что дни жизни больного мальчика сочтены.

Жестокое развлечение (игла в куске хлеба), на которое лакей Смердяков подбивает мальчика, не выдуманно Достоевским — грубое и безжалостное отношение к собакам считалось нормой в низших слоях общества.²² Завершая роман «Братья Карамазовы» «речью у камня», Достоевский устами Алеши произносит слова о значении совершенных в детстве добрых поступков, воспоминание о которых человек проносит через всю жизнь.

С темой гуманизма и сострадания связана история Жучки, рассказанная В. Л. Дуровым. В автобиографическом рассказе «Наша Жучка» он вспоминал, как в военной гимназии дети решили отомстить суровому надзирателю — казнить его собаку по кличке Жучка (тот жестоко относился к собаке гимназистов, которую тоже звали Жучка). Жребий убить собаку выпал на долю рассказчика,

²¹ «Что же до штабс-капитана, то он весь как бы обратился в самого маленького мальчика.

— Жучка! Так это-то Жучка? — выкрикивал он блаженным голосом. — Илюшечка, ведь это Жучка, твоя Жучка, ведь это Жучка! — Он чуть не плакал» (*Достоевский Ф. М.* Полн. соб. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 491).

²² В «Записках из Мертвого дома» (1865) Ф. М. Достоевский описывает нескольких собак, которые скрашивали его быт на каторге (дворняжки Шарик, Белка и Кульяпка). Считая собаку существом нечистым, арестанты относились к псам без всякой жалости, норовя ударить беззащитное животное («вишь, подлая»). Щенок Кульяпка, которого мемуарист принес в острог, был жестоко убит (глава «Каторжные животные»).

тяжело переживавшего свой жестокий поступок. Мальчик был потрясен, когда увидел на плацу живую Жучку, которая бросилась ласкаться к своему обидчику. Для будущего дрессировщика этот случай послужил началом любви к животным, учить которых он стал «не палкой, а лаской».

В советской литературе кличка Жучка потеряла свое культурное значение. Мешали коннотации, связывавшие Жучку с крестьянским бытом, а также культурные отсылки к русской классике. Но там, где Жучка все-таки упоминается, ей сопутствует литературный ореол страдания (например, в повести С. А. Иванова «Лето я провела хорошо» (1986), повествующей о дворняжке, которая испытала на себе всю тяжесть злобы и человеческого легкомыслия).

Зато собакам по кличке Барбос в советской литературе повезло значительно больше. Не отягощенный семантикой народного страдальца Барбос нашел себе место в текстах комического характера (рассказ «Бобик в гостях у Барбоса» Н. Н. Носова, сценарий фильма «Пес Барбос и необычный кросс» Л. И. Гайдая) и бойких стихах для детей (Б. В. Заходер «Барбосы»). Не последнюю роль сыграли «рычащая» аллитерация и звонкая рифма в имени «пес Барбос». Бодрый и жизнерадостный герой нахально врет, быстро бегают, громко лает и всегда оказывается победителем. Еще одно подтверждение того, что кличка в судьбе литературной собаки играет не последнюю роль.

